

К 70-летию со дня рождения поэта

ЕВГЕНИЙ КУРДАКОВ

ПСЫ АКТЕОНА

МИФ

Миф этот, в общем-то, не прост, хоть и наивен с виду...
Отстав от собственных собак, охотник Актеон
В случайном гроте увидал нагую Артемиду,
И за оплошность ею был в оленя превращён.
Ещё не зная, кем он стал по прихоти богини,
Виденьем знойным ослеплён, беспечный Актеон,
Не чуя ног, помчался вдаль по солнечной долине, —
И миф на этом мог бы быть спокойно завершён.

Но миф коварно-кропотлив... Устав от напряженья,
От странной тяжести своей, несчастный Актеон
Остановился над ручьём, взгляделся в отраженье
И — ужаснулся он тому, что вдруг увидел он:
Ветвистый рог, пятнистый бок, огромный глаз в тумане...
И закричал он, но сумел издать лишь хриплый стон.
И даль ответила ему предсмертным криком лани, —
И снова миф на этом мог быть честно завершён...

КУРДАКОВ Евгений Васильевич родился в 1940 году в Оренбурге. Автор стихотворных сборников “Из первых рук”, “Мой берег вечный”, “Сад мой живой” и других. Окончил Высшие Литературные курсы. Жил в Казахстане. Последние годы провёл в Великом Новгороде, ушёл из жизни в 2002 году. Был постоянным автором “Нашего современника”.

Но нет... Уже катился вслед, заметно настигая,
Забытой своры звонкий лай и злобный рёв вдогон.
И понял бедный Актеон, кидаясь прочь от стаи,
Что жертва — он, лесной олень, что здесь он обречён.
И понеслась вдоль мирных рощ кровавая погоня,
Собаки выученно шли на срезку и в обгон.
Он знал их всех по именам, он их кормил с ладони, —
И вот — ни крикнуть, ни позвать не в состоянии он.

Здесь миф жестоко зашепшил в предчувствии развязки...
Олень споткнулся и тотчас был сворой окружён, —
И, взятый выжлецом под пах и стиснутый под связки,
На землю рухнул Актеон, и не поднялся он...
Над пёстрой тушею платан шумел листвою лениво,
Витал над миртами цикад неистребимый звон,
Собаки слизывали кровь и ждали терпеливо,
Когда хозяин их придет... Но что-то медлил он.

И миф иссяк уже вполне, без вывода, урока, —
И смысл загадочный его остался затемнён...
О чём ты, миф, ведь не о том, что не уйти от рока?
И не о том ведь, что никто не будет пощаждён?
Строфа пустеет на ходу и дремлет утомлённо,
Глаза закроешь, и летит, летит кровавый гон...
Стихи мои, слепые псы, собаки Актеона,
Я вас с руки кормил, а вы всё мчитесь мне вдогон.

АПРЕЛЬ

На миг остановишься в споре и вздоре,
И вдруг сквозь рутину, сквозь гул неживой
Внезапно окликнут весенние взгорья
И дали мои, позабытые мной.

Они там давно раскричались грачами,
Там пойма от птичьего гвалта тесна,
Там, всё накопляясь сырыми ночами
По птице, по стеблю, — крепчает весна!

Там косо по плёсам разбросаны льдины,
Там в вётрах дрозды зарябили с утра,
Там тихо туманы стекают в низины.
Туда мне бежать безоглядно пора!

От гула, от бреда, от прошлых метелей
Скорей в отдаленье по серой стерне,
Куда журавли принесли коростелей,
И стало кому прокричать обо мне!

...Стрельнёт зимородок зелёным и красным,
И словно б навывлет простреленный им,
Паду и воскресну пред вербным, пред ясным,
Прощающим миром, забытым моим.

НАША СТАЯ

Моим дочерям

Наша стая с утра, поднимаясь, свистит и щебечет,
Сочиняет стихи, распевает, рисует, поёт,
И живёт, как играет в смешную игру чёт-и-нечет,
И пока только чёт, слава Богу, пока только чёт.

Целый день трескотня, шум и гам, карусель, клоунада,
Свистопляска, базар, представленье, спектакль, маскарад,
Все шумят и кричат всё, что надо, и всё, что не надо,
Но цветами верстак расцветает и просится в сад.

Всё навыверт, наружу, но, в общем, работы не видно,
Не горбом, а добром добываются хлеб и вино,
В толкотне, тесноте, суете — никому не обидно,
И собаки, и дети, и птицы — навек заодно.

О, слетайтесь к нам в стаю, шуты, чудачки и чудачки,
Все, кто в долгом полёте от собственной стаи отстал,
В наше шумное празднество, птичье-цветочье-ребячье,
В наш бедлам, тарарам, маскарад, балаган, карнавал!

В нашу стаю всяк будет и принят, и всяк будет понят,
Всякий мокрые крылья осушит и крышу найдёт,
Добрый сад наш укроет, и птицы из клювов накормят,
И собака споёт вам, о, как вам собака споёт!

...И — пока не исчезла навеки, в тумане истая,
И — пока не сомкнулась над нами бесцветная тишь, —
Ты кружись и свищи, распевай и взлетай, моя стая,
И лети, и не знай, для чего и куда ты летишь!

ЧУДЬ

Баллада

Чудь белоглазая в землю ушла...

Алтайское поверье

Предчувствие прошлого неощутимо,
Но вдруг как пронзит сквозняком ледяным
В туманных долинах Калбы и Нарыма
Озноб растворенья и времени дым.

Здесь каждая падь кропотливо изрыта,
Здесь древние штольни, петляя, бредут
По оловоносным прорывам гранита,
По медным следам зеленеющих руд.

Здесь некогда Чудь ворожила, кружила
Развалами копей, кругами камней,
Здесь каждая россыпь и рудная жила
Нашупана Чудью и ведома ей.

Нет взгорка, чтоб не был в почине, в заводе,
Нет имени, чтоб не озвучила Чудь:
Алтай, Светлояр, Златогор, Беловодье, —
Андроновской бронзы начало и путь.

Умолкли легенды, забылись преданья,
Последний свидетель, ты тоже молчишь,
Текущий от Яра по древней Яркани
Яр-теч белоярый, Великий Иртыш.

На этих берегах полудиких, на стыке
Страны оловянной и медной страны
Дымились плавильни, и грозные лики
Богов огневых были мрачно темны.

Здесь некогда время варило, месило
Ту дымную правду в огне и золе,
Что бронза — не боронь, но бранная сила,
Когда ее больше, чем надо земле. —

Когда под камланье кобзы и варгана,
Почувяв порыв окаянной орды,
Трёхсолнечный оттиск на бубне шамана
Послал её в бездны судьбы и беды. —

Когда из глухого чудского горнила
Сородичей вывел к заветной стране
Всё тот же Атей ли, Атис ли, Аттила, —
Извечный Отец на победном коне...

Погасли костры у родного порога,
Чтоб где-то иной темноте присягнуть,
И в прахе и тлене исчезла дорога,
Андроновской бронзы загадочный путь...

.....
Давно опустели чудские разносы,
Где в тысячелетних размывах дождей
Сочились лазури, текли купоросы,
И медь осаждалась на грудах камней.

И только порой из-под шахтных подпорок,
Обрушенных некогда тяжестью гор,
В кремнистой пыли подберёт археолог
Чудской боевой ладьевидный топор.

Он древен, тяжёл, он спокойно бесстрастен,
Но странно знакомо глядит из веков
Суровый орнамент меандров и свастик
Со стенок чудских погребальных горшков.

Исчезло без имени древнее племя,
В чьей нынче крови ты и в чьём языке?
Зачем то и дело смещается время
И мнится родное в твоём далеке?

Зачем, отчего отпечатки узоров
На этих корчагах в курганной пыли
Похожи на вышивки русских подзоров
Со знаками Солнца, Воды и Земли?

Зачем, отчего так тревожат названья
Курчума, Нарыма, Калбы и Сибин,
Как полупонятное напоминанье,
Завет и преданье далёких глубин?

Как будто мы сами по свету блуждали,
Плутали, кружили в кругу вековом,
И снова к себе возвратились из дали,
И дом свой забытый едва узнаём,

Где, как за беспамятство, эхом расплаты
Доносится в звуках Ульбы и Убы
Забывтое Альба — Алабырь — Алатырь,
Как сон Беловодья, как память судьбы, —

Где всё, как и прежде, сияют туманно
Алтай, Синегорье, Ярканы, Шамбала,
Где русая Чудь непонятно и странно
Своё отчудила и в землю ушла.

* * *

Растворимся в воде и озоне,
Оглянись осторожно назад:
Чьи-то тени в мерцающем звоне
Беспрерывно над нами парят.

Ощути же, — с терпением и мукой,
Пробиваясь в глухие сердца,
Дуновеньем, свечением, звуком
Нас тревожат они без конца.

Всё настойчивей трепет касаний,
Всё теснее взволнованный круг
Налетающих напоминаний
Обо всех, растворённых вокруг.

Птицей взмыть ли, легко и печально,
Иль волной приласкаться к ногам, —
Чем же мне через годы случайно,
Неназойливо вспомниться вам?

Чем, до самого сердца идущим,
Тронуть вас за пределом дорог?
Чем, лишь мне беспредельно присущим,
С вами снова побыть бы я смог?

...Над трепещущей зеленью мая
Чей пожар, чья заря там видна?
То горит, то горит, не сгорая,
Золотая моя купина.

РАВНОДЕНСТВИЕ

Бесшумно передвинулись светила
Высоких сфер и звёздных поясов,
И солнце невзошедшее ступило
Из знака Девы в зыбкий знак Весов.

В дрожащем предрассветном занебесье,
Ещё не в силах сумрак превозмочь,
Застыли два прозрачных равновесья,
Две равнополных чаши — день и ночь.

Ещё мгновенье — и, ударив косо,
Холодный луч одну из чаш качнёт,
И с этою зарёй начнётся осень,
Природе предъявляя вечный счёт.

И в тишине расторгнутого мрака
Поймёшь ли невозвышенной душой
Возвышенную точность Зодиака
Вон в той листве, почти ещё живой?

Поймёшь ли ты, как прочны сочетанья
Всего со всем, как неизбывна связь
Тебя и звёзд, души и мирозданья,
И той листвы, что падает, кружась?

МЕТЕЛЬ

То ли ветер свистал в иступленье,
То ли память металась тоской, —
Но кружились какие-то тени
В эту снежную ночь надо мной.

Они зыбко неслись в полусвете,
В полумгле, застилающей сад,
И ночная дорога и ветер
Истекали, как время, назад.

И казалось, в круженье метели
То не снег трепетал без конца,
Это матери тень повителью
Завивалась по тени отца.

И сплетались не струи глухие, —
Это там, в запредельной судьбе
Наконец-то сошлись, дорогие,
И чем дальше, тем ближе себе.

Рыхлым вихрем крутым, подорожным
Смертной вьюге свести удалось
Всё, казавшееся невозможным,
Даже жизни, прожитые врозь.

Разметённые прежде по свету,
Вот сошлись, и навек, и в одно, —
И судьбу запоздалую эту
Ни постичь, ни понять не дано.

Не постичь забытья отдалений,
Где в любой настагающий час
Мы живей и добрее, чем тени,
Если тени счастливее нас.

* * *

Душа хотела б быть звездой...

Ф. Тютчев

Когда мечи заменим на орала,
Очистим мир и дух переведём,
Увидим мы, что очередь настала
Неспешно поразмыслить об ином, —

О горестной душе о человеческой,
Ещё вчера в нелепой суете
Метавшейся пред вечностью безвечной,
Как бы в последнем полузабытье, —

О разуме, бессильном перед волей
Почти самоубийственных идей,
О пагубе тотальных суесловий, —
И снова о душе, душе своей, —

Которая над бездной ледяною
Мечтала с обессиленной тоской
Звездой быть, звездой быть, звездой,
Звездой над измученной землёй.

ПРОЩАНИЕ С САДОМ

Вот и Сад опустел, весь запет и обсказан,
Разнесён по рукам, по ветрам, по годам,
По траве и цветам, по берёзам и вязам,
По стихающим снам и забытым стихам.

Прокричала желна в сосняке за рекою,
И — обрушился мост, и в кустах у пруда
Пень столетий истлел, истекая трухую,
И под ним зацвела голубая вода.

Этот ветренный праздник, он был или не был?
Отшумел, отмелькал в танцах тёмных корней
Деревянный театр, лесовщина и небыль,
Сказка летнего леса и поймы моей.

Над пустым верстаком и дремотно, и снуло
Ворох жёлтой листвы встрепенулся, горя,
Словно горним дымком от небес потянуло,
Сквозняком октября, ноября, декабря.

Может быть, ничего уже больше не надо,
Пусть вдали иногда прокричит, как во сне,
Эта вещая птица забытого Сада
В паутиной, осенней своей тишине.

Прокричит о глухом, погружённом в бесстрашие,
Странном Саде, чьё время уж мхом поросло,
Где его постаревший садовник и мастер
На пеньке позабыл золотое тесло.

* * *

Вновь багряной зарёй, словно флаг на рейхстаге,
День Победы встаёт над притихшей страной.
Поколение измены, сними свои флаги,
Эта пестрядь не к месту в сей Праздник святой.

Пусть солдаты единственно правой Победы
По родным площадям в свой последний Парад
Пронесут, как несли сквозь невзгоды и беды,
Тот прославленный стяг, освящённый стократ, —

Мимо нас, мимо нас, — в золотые преданья.
В седине своей вербной под звон орденов, —
Где сияет вдали Божий Свет воздаянья
Им — за подвиг земной — до скончанья веков.

Вот уходят, уходят... Всё глуше и строже
Шаг бессмертья звучит, как последний наказ...
Поколение моё, мы спасёмся, быть может,
Лишь прощеньем отцов, уходящих от нас.

День победы встаёт...